
Некоторые проблемы изучения истории восстания 1916 г. в Средней Азии

Дина Аманжолова

Some issues of studying the 1916 uprising in Central Asia

Dina Amanzholova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В связи со 100-летием восстания 1916 г. на территории современных государств Средней Азии активизировались общественные дискуссии и исторические исследования этой проблемы¹. Информационный фон вокруг трагических событий 1916 г. достаточно противоречив, что отражается как в социальных сетях, так и в большом количестве всевозможных публикаций в СМИ. Так, в Киргизской Республике акцент делается на масштабах жертв и потерь и «доказательствах исторической вины России». Ей предъявляют требования компенсаций за якобы «геноцид» киргизского народа вследствие жестокого подавления восстания, из-за голода, болезней и природно-климатических катаклизмов 1917–1918 гг. В то же время киргизские историки Ж. Жунушалиев, А. Джуманалиев, К. Кожомкулов и др. подчёркивают недопустимость искажения объективных данных о трагедии 1916 г.²

Публичные дебаты и попытки политизации образов прошлого, их интерпретации в интересах укрепления этнополитической идентичности на основе возрождения памяти общества о страданиях определённым образом стимулировали и академические исследования этой темы, которые продолжают независимо от политической конъюнктуры. Налицо рост числа научно-популярных и научных публикаций, которые дополняют и некоторым образом обновляют прежний комплекс знаний о тех собы-

© 2017 г. Д.А. Аманжолова

¹Импульс дискуссиям придали указ Президента Киргизской Республики А. Атамбаева «О 100-летию трагических событий 1916 года» от 27 мая 2015 г. В нём отмечается, что «массовые волнения в Кыргызстане приняли характер восстания, причём не против русского народа, а против царского колониализма. Выступления кыргызов были поддержаны представителями других этносов... В результате трагических событий, по оценкам отечественных историков, численность местного населения на этих территориях сократилась более чем на 40%». Одновременно сказано о неоспоримом прогрессе в развитии киргизского народа и республики в советский период и участии киргизов в борьбе против фашизма в 1941–1945 гг. См.: Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек) (далее – Вестник КРСУ). Т. 15. 2015. № 9. С. 202.

²Правда и мифы трагедии 1916 года. URL: http://so-l.ru/news/show/pravda_i_mifi_tragedii_1916_goda (дата обращения: 21.01.2016); О событиях, произошедших 100 лет назад. URL: <http://newdaynews.ru/asia/555330.html> (дата обращения: 23.01.2016); 1916 – причины восстания и миф о геноциде. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstaniya-i-mif-o-genotside.html> (дата обращения: 23.01.2016); Тревожный юбилей. 100-летие восстания 1916 года в Киргизии может привести к росту антирусских настроений. URL: http://ross-bel.ru/analitika/article_post/trevozhnyu-yubiley-100-letiyevosstaniya-1916-goda-v-kirgizii-mozhet-privesti-k-rostu-antirusskihnastroenyiy (дата обращения: 23.01.2016).

тиях³. Показательны тематика и перечень предлагаемых к обсуждению вопросов. К примеру, в Худжандском государственном университете им. Б. Гафурова в центр внимания были поставлены «дружба и сотрудничество, испытанные временем» между Средней Азией и Россией. Организаторы совещания международных вузов и центров в Киргизии считают восстание наименее изученным эпизодом в истории региона, называя его фактором преобразования политического пространства метрополии и создания «полосы кризиса России»⁴.

Между тем анализ истории восстания 1916 г. продолжается уже почти 100 лет⁵. Ещё в 1926 г. появились хорошо известные сегодня работы; очередной всплеск интереса произошёл к 20-летию события⁶. Ценность данных изданий определяется тем, что в числе авторов состоял ряд участников и свидетелей восстания. Суть подхода того времени к оценке восстания выразил П.Г. Галузо: «Парадоксально, но это факт – борьба киргиза и туркмена против русского мужика-переселенца была в конце концов борьбой за те же революционные задачи, которые стояли перед русским мужиком в России»⁷.

Новая волна интереса к восстанию наблюдалась в конце 1950-х – начале 1960-х гг.⁸ Тогда была зафиксирована господствовавшая до конца советской истории трактовка: «Национально-освободительное восстание народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г. носило в основном антиимпериалистический, антивоенный характер. Восстание было разрозненным, стихийным крестьянским движением, не имевшим пролетарского руководства. Охватило оно почти

³ Международные форумы состоялись в Москве (сентябрь 2015, май 2016 гг.), Худжанде (Таджикистан), Бишкеке (в апреле 2016 г. на базе Киргизско-Российского славянского университета; в мае объединились Киргизско-Турецкий университет «Манас», Американский университет в Центральной Азии, Университет Центральной Азии, Французский институт исследований Центральной Азии, Культурно-исследовательский центр Айгине, отдельно заседали в Академии государственного управления при Президенте Киргизской Республики). В июне 2016 г. прошли дискуссии в Оренбурге, Новосибирске и Бишкеке. В конце лета – сентябре состоялся ряд конференций и памятных мероприятий в Казахстане.

⁴ Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии» 20–21 мая 2016 года. Программа и тезисы статей. Бишкек, 2016.

⁵ Основные события и социально-политический контекст восстания реконструированы и периодически дополняются. См., к примеру, новейшие публикации: *Котюкова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // *Обозреватель—Observer*. 2011. № 8. С. 98–126; *Брежнева С.Н.* Кризис власти в Российской империи на примере восстания 1916 года в Туркестане // *Грамота*. 2015. № 2(52). Ч. II. С. 47–51; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016.

⁶ *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // *Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей*. М., 1926. С. 46–122; *Бройдо Г.И.* Восстание киргиз в 1916 году (моё показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3 сентября 1916 года). М., 1925; Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборник документов. Ташкент, 1932; *Карпов Г.И.* Восстание тедженских туркмен в 1916 г. Ашхабад, 1935; *Асфендияров С.А.* Национально-освободительное восстание в Казахстане в 1916 году. Алма-Ата; М., 1936; *Кастельская З.Д.* Восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент, 1937; и др.

⁷ *Галузо П.* Переселенческое движение и интерес русского помещика и русского капитала // *Коммунистическая мысль*. Кн. 2. М., 1926. С. 47.

⁸ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960; *Раджабов З.Ш.* Восстание 1916 г. в Ходжентском уезде. Душанбе, 1955; *Ковалёв П.А.* Тыловые работы Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957; *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; *Турсунбаев А.Б.* Казахский аул в трёх революциях. Алма-Ата, 1967; *Есмагамбетов К.Л.* Действительность и фальсификация. Алма-Ата, 1976; *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977.

всю Среднюю Азию и Казахстан, однако происходило одновременно в различных районах этой обширной территории и не имело единого, общего для всего края централизованного руководства. Почти всюду руководили отдельными выступлениями представители самих народных масс, выдвигавшиеся по отдельным районам, иногда даже по отдельным селениям в ходе восстания. Это была, по сути дела, крестьянская война, направленная своим остриём против царского самодержавия. Она начинала вместе с тем перерастать кое-где в антифеодальное движение, направленное одновременно против местной феодально-байской верхушки⁹.

Стоит напомнить, что события 1916 г. были прямо связаны с войной и её экономическими издержками, а также с кризисом системы управления окраинами. Восстание, безусловно, существенно повлияло на социально-политический контекст и трансформацию этнических сообществ региона, усилило взаимосвязь социального и национального в них. Поводом стало Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. о призыве на тыловые работы представителей коренного населения Астраханской губ. и всех губерний Сибири (кроме «бродячих инородцев»), Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской и Закаспийской областей, мусульман Терской, Кубанской областей, Закавказья (кроме осетин-мусульман, которые отбывали воинскую повинность, а также турок и курдов, которые к ней не привлекались), езидов, абхазов-христиан, калмыков и т.п.

В очагах стихийного сопротивления мобилизации вспыхнули ожесточённые межэтнические конфликты. Основными причинами масштабного насилия стали много лет копившиеся проблемы: массовое изъятие земель для переселенцев и ухудшение условий земле- и водопользования для коренного населения, возросшие с началом войны налоговые тяготы, неудовлетворительный уровень управления, мздоимство и корыстное поведение «туземной» администрации, отсутствие у коренного населения необходимых для организации набора метрических книг, принятие решения о мобилизации в дни мусульманского поста и пика сельскохозяйственных работ и др.¹⁰

Восстание охватило огромную территорию с населением около 10 млн человек. Уже в июле 1916 г. в Самаркандской обл. произошло 25 выступлений, в Сыр-Дарьинской и Ферганской – 20 и 86 соответственно. Крайне сложной была ситуация в Семиреченской обл. 18 июля 1916 г. Туркестан был объявлен на военном положении. В Степном крае наиболее крупным было восстание в Тургайском уезде, где его лидер А. Иманов создал около 20 вооружённых отрядов, объединивших 50 тыс. человек. В октябре 1916 г. они даже захватили на некоторое время г. Тургай. Мятеж был подавлен в феврале 1917 г.

Сопротивление мобилизации выражалось в разной форме: массовый уход с мест работы (в том числе работавших в хозяйствах русских семей фронтовиков), откочёвки в степи, горы и за границу, вооружённые столкновения с полицией и русским крестьянством, насильственный захват угодий, разгром крестьянских селений, государственных учреждений, занимавшихся мобилизацией, уничтожение списков призываемых, средств связи, источников воды, транспортной инфраструктуры, убийства должностных лиц и др. Насилие и агрессия стали основной формой выражения социального протеста,

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 5–6.

¹⁰ Подробнее см.: *Котокова Т.В.* Указ. соч.

канализированного в этническое русло, даже если в качестве частного предмета выступали давние и прежде разрешавшиеся мирно взаимные претензии по поводу землепользования, краж и т.п.

Масштабные жертвы среди коренного населения были во многом связаны с гибелью беженцев, направлявшихся в Китай. Из-за холодов и отсутствия корма они потеряли почти весь скот, вынуждены были отдавать или продавать за бесценок имущество, скот, жён и детей. До 53 тыс. семей (более 270 тыс. человек) вернулись, но сталкивались с ожесточением русских поселенцев и далеко не сразу получали социальную помощь. В брошенных аулах почти весь скот погиб, посевы сократились на 10–60%. Число погибших в ходе восстания, в результате бегства и реэвакуации, голода и болезней из числа коренного населения точно не установлено. В Туркестане пострадали 3 709 русских: были убиты около 2 325 и пропало без вести 1 384. Погибли 7 русских должностных лиц, до 22 туземных администраторов, не считая мелких чинов и полиции. Для усмирения беспорядков использовались 14,5 батальонов, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулемётов. Армия потеряла убитыми 97 человек, ранеными — 86, без вести пропали 76. По судебным решениям к 1 февраля 1917 г. были приговорены к каторжным работам 168 человек, к исправительным арестантским отделениям — 288 и тюремному заключению — 129. Из 347 смертных приговоров генерал-губернатор А.Н. Куропаткин утвердил 51¹¹.

Современная научная версия восстания складывается усилиями среднеазиатских, российских учёных и исследователей из дальнего зарубежья. В Казахстане и Киргизии были изданы новые сборники документов, повторяющие с некоторыми дополнениями советские¹². Вводятся в оборот и новые источники. Немногие российские историки, занимающиеся среднеазиатским регионом и историей российской революции, как правило, анализируют события 1916 г. в Степном крае и Туркестане в более тесной связи с общероссийским социально-политическим контекстом¹³. В частности, Росархив создал специальный интернет-проект «События в Семиречье 1916 года по документам

¹¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии... С. 88–90, 145; История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. С. 556.

¹² Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991; *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы, 1993; Грозный 1916-й год (Сборник документов и материалов). В 2 т. Алматы, 1998; *Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы.* В 2 т. (сборник документов и материалов). Астана, 2007; Восстание 1916 года в Кыргызстане. Сборник документов. Бишкек, 2011; Восстание 1916 г. Документы и материалы. Бишкек, 2015.

¹³ См.: Дневник генерала А.Н. Куропаткина 1917 год / Публ. И.В. Карпеева, Е.Ю. Сергеева // Исторический архив. 1992. № 1. С. 159–172; Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной думы. Декабрь 1916 г. / Публ. Д.А. Аманжоловой // Там же. 1997. № 2. С. 4–22; Туркестан и Государственная Дума Российской империи. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. / Публ. Т.В. Котюковой // Там же. 2003. № 3. С. 126–136; «Совещание признало полезным...» Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. / Публ. Д.А. Аманжоловой // Там же. 2004. № 3. С. 189–206; *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 5. М., 2008. С. 152–214; *Котюкова Т.В.* Указ. соч.; *Брежнева С.Н.* Кризис власти...; *она же.* Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2016. № 1(222). Т. 37. С. 113–117; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М., 2015; Цивилизационно-культурные аспекты...; *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии. URL: http://conjuncture.ru/ischakov_27-11-2000/ (дата обращения: 5.02.2015).

российских архивов», где представлены около 200 первоисточников (<http://semirechye.rusarchives.ru/>), вышел в свет ещё один сборник документов и материалов¹⁴. В целом в настоящее время имеется внушительный массив различных источников, что должно стимулировать их объективный анализ, способствовать углублённому изучению событий 1916 г.

Восстание выступает одним из значимых сюжетов в реконструкции судьбы и памяти народов Центральной Азии как национального страдания. Наряду с обязательным введением установочных оценок восстания в учебные пособия школ и вузов, в 1990 – начале 2000-х гг. появились работы, освещающие его ход в отдельных регионах Казахстана¹⁵. К примеру, в школьном учебнике 2005 г. восстание описывается так: «Вновь, как и в период джунгарского нашествия, возникла угроза физического истребления народа, поскольку в карательных экспедициях по уничтожению коренного населения участвовали регулярные армейские и казачьи части, вооружённые переселенцы. Карателями были уничтожены десятки казахских аулов, жестоким преследованиям подвергались мирные жители. Сотни тысяч степняков были убиты, умерли от голода и холода, загнанные царскими войсками в безводные степи и пустыни, горы, бежали за пределы Казахстана, спасаясь от карательных акций русской армии». Если в советских учебниках среднеазиатских республик акцент делался на классовом характере борьбы с царизмом и подчёркивался её интернациональный характер, то сейчас интерпретации стали этноцентристскими, а в роли жертвы выступает коренное население, страдавшее от беззаконий со стороны вооружённых русских переселенцев и русской армии¹⁶.

Составители сборника документов 1998 г. сформулировали доминирующую ныне в Казахстане и типичную для историографии других стран региона оценку событий 1916 г.: «Народное выступление в Казахстане носило общенациональный характер... Борьба против колониализма подняла национальное самосознание народа... Официальные власти намеревались использовать выступление народов восточных окраин как повод для присоединения к России восточной части Персии». Злоупотребления местной низовой администрации представителями колониальных властей, считают казахстанские авторы, сознательно преувеличены, «чтобы оправдать колонизаторскую политику

¹⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии (сборник документов и материалов) / Сост. Т.В. Котюкова. М., 2016.

¹⁵ *Ермұқанов Е.Н.* 1916 жылғы көтеріліс тарихының кейбір мәселелері (Ақмола және Семей облыстарының материалдары бойынша). Алматы, 1993; *Касымбаев Ж.* Вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане в представлениях депутатов IV-й Госдумы России // Казакстан жоғары мектебі. 1996. № 6; Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки // Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 1996; *Ибрагимов Ж.И.* 1916 ұлт-азаттық көтеріліс. Хандық биліктің жаңғыруы. (Сарыарқа өңірі материалдары бойынша). Қарағанды, 1999; *Бекмағанбетов Ө.Ж.* Жезқазған – Ұлытау өңіріндегі 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс және оның тарихи сабағы. Астана, 2001; *Мухлынин Б.Ф.* Восстание 1916 г. в Чуйской долине. Ч. 1. URL: http://belovodskoemuh.ucoz.ru/publ/moi_ocherki/vosstanie_1916_goda_v_chujskoj_doline_chast_1_aja/2-1-0-208 (дата обращения: 27.01.2014); *Тілеубаев Ш.Б.* Жетісу облысындағы қазақ және қырғыз халықтарының 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісі. Алматы, 2010.

¹⁶ *Аяган Б.Б., Шаймерденова М.Д.* Новейшая история Казахстана: учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2005. С. 24.

и замолчать подлинные причины освободительной войны»¹⁷. Очевидными стали акцент на межэтнический характер социального конфликта и стремление доказать вину русских — представителей власти, крестьян и военных — в создании предпосылок восстания, размахе и жестокости его конкретных проявлений, а также в тяжёлых последствиях. Встречаются и достаточно радикальные выводы: например, С. Шодмонова пишет о «геноциде» казахов и киргизов, обвиняя «колониальную» власть в натравливании народов друг на друга¹⁸.

Публичное обсуждение прошлого часто оказывается привязанным к актуальным политическим интересам, что затрудняет анализ сложной и противоречивой проблемы, способный внести конструктивное и примиряющее начало в научные дебаты и общественное сознание. Казахстанский политолог Д.Р. Ашимбаев считает: «К сожалению, объективный подход к вопросам общей истории России и Центральной Азии, занимая относительно устойчивые позиции в исторической науке, находится на периферии базовых процессов, происходящих в информационном и политическом пространстве. Трендом является высказывание взаимных претензий: по пограничным вопросам, перегибам, репрессиям, языковым вопросам, проявлениям национализма и шовинизма, причём за весь период истории — от первого столкновения славян с кочевниками — печенегами и половцами до создания Евразийского экономического союза»¹⁹.

Традиционные системы социальных взаимосвязей в сообществах коренного населения в начале прошлого века оставались мало понятыми и плохо учитывались в деятельности региональной администрации. Аграрная и в целом экономическая политика, социально-культурные мероприятия и управленческие решения на протяжении многих лет после включения региона в состав империи не предусматривали как первоочередную задачу формирование культуры межэтнических отношений. Между тем культурные границы между русскоязычным и коренным населением сохранялись, прежде всего, из-за языкового барьера со стороны первого (двуязычие постепенно становилось необходимо для части «туземцев»): «Русские переселенцы, как правило, игнорировали языки коренных народов, не происходило размывания этнических границ и складывания промежуточных двухкультурных групп, которые связывали бы себя преимущественно с территорией, а не с этносом. Это практически закрыло один из главных путей становления гражданской нации, причём задолго до большевистских экспериментов в области национальной политики»²⁰.

Советские и современные исследователи показали, что после начала столыпинской реформы основным мотивом большинства самовольных переселенцев было стремление выйти из малоземелья, никак не связанное с этноконфессиональными предубеждениями. Столыпину докладывали: «Продавали

¹⁷ Грозный 1916-й год... С. 3, 6, 7. См. также: *Суюнбаев М.Н., Суюнбаев И.М., Курманов З.К., Узбеков Д.С.* Внешние и внутренние геополитические предпосылки восстания (бунта) 1916 года // Вестник КРСУ. Т. 15. 2015. № 11. С. 201–203; *Абдоллаев К.* Почему Средняя Азия восстала против России (К 100-летию восстания 1916 года: заметки историка). URL: // <http://www.fergananews.com/articles/8964> (дата обращения: 15.05.2016); и др.

¹⁸ *Шодмонова С.* Нарушение прав и свобод человека через призму истории: Семиреченская трагедия на страницах Туркестанской периодической печати // Отан тарихы (Алматы). 2007. № 3. С. 33–44.

¹⁹ *Ашимбаев Д.Р.* Восстание 1916 г.: вопросы трактовки в контексте современной политики // Цивилизационно-культурные аспекты... С. 17–21.

²⁰ *Празаускас А.* Слагаемые государственного единства // Pro et contra. Т. 2. 1997. № 2. С. 25.

и продают свои наделы не только “бросовые” люди деревни, пропойцы, туняцды или люди, давно отбившиеся от земли, но ещё и те крестьяне, которые мечтают о переселении за Урал, на Аму-Дарью и на какие-то фантастические “Белые воды”²¹. А.Б. Турсунбаев отмечал, что среди переселенцев преобладали общинники — середняки и бедняки из западных (украинских), центральных и южных российских губерний. Они повсеместно сталкивались с взяточничеством чиновников переселенческих управлений, задержкой или невыдачей ссуд, страдали от инфекционных заболеваний, трудностей природно-климатической адаптации. Самовольных переселенцев облагали налогами за пашню, выпас скота, рубку дров, за право проживания в посёлках, в итоге они долго ютились в хибарках и землянках по 2–3 семьи. Только в Акмолинской обл. в 1909 г. таковых было 106 864 человека²². Переселенцы оказывались в новых условиях, где утрачивались прежние механизмы социального взаимодействия. Власть запаздывала или невнимательно относилась к их конфессиональным потребностям²³.

Коренное население настораживало иждивенчество новосёллов, получавших помощь государства, а хищническое истребление леса, безответственное истощение земель, наряду с примерами безнаказанности за захват земли, скота и предвзятого отношения к себе не могли не породить протестных настроений. За собирательным образом колонизатора-хищника закрепилось прозвище «кустанаец»²⁴. Однако вряд ли правомерно объяснять логику самостоятельных переселенцев-одиночек, отправлявшихся в неизведанные края и постепенно обраставших хозяйством, присоединявшимися к ним родственниками и земляками, как некий тайный «стратегический умысел» по «захвату» исконных владений коренного населения²⁵. Такие действия вполне укладываются в традиционную модель поведения крестьянских «колонизаторов»: лишь после достижения определённой устойчивости они обращались в органы власти с ходатайствами о легализации административно-территориального статуса образованных ими поселений и о строительстве церквей.

Между тем социальные сдвиги происходили и у коренного населения²⁶. Говорить о русификации народов региона вряд ли уместно, потому что традиционная культура и родные языки оставались в их среде господствующими. Неубедительно выглядят и утверждения о духовной экспансии православия²⁷. На деле укоренение ислама среди казахов в начале XX в. происходило в качестве защитной реакции на колонизацию, в том числе на усилия православных

²¹ Цит. по: *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. С. 32. См. также: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Под ред. В.И. Дятлова. Иркутск, 2011.

²² *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. С. 39–47, 49–50. См. также: *Детко J.* The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, 1969.

²³ См.: *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане...

²⁴ Восток России... С. 82–83, 75–76. Кустанай — город на северо-западе Казахстана, основан в 1879 г., до 1895 г. Николаевск, с 1880 г. разрешено селиться крестьянам из внутренних губерний России. В начале XX в. крупный торговый ярмарочный центр. С 1997 г. — Костанай.

²⁵ *Садвокасова З.Т.* Русские крестьяне-переселенцы и русская православная церковь в Казахстане (II половина XIX в.) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 2(57). С. 21–23.

²⁶ См.: Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М., 2003; Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: Сборник документов. Караганды, 2005; *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане...

²⁷ См.: *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане. Алматы, 2005.

миссионеров²⁸, в Туркестане же ислам и до начала колонизации играл исключительную роль в системе моральных и духовных ценностей, правовых норм и быта населявших его народов.

Восстание стало результатом многолетнего ухудшения социального положения масс, связанного в общественном сознании с ростом русского влияния в лице переселенцев и с непреодолимой преградой между населением и региональными русскими чиновниками, олицетворявшими власть «белого царя». Вывод современных авторов о том, что переселенческое дело заставило оппозиционную общественность переосмыслить свои воззрения на русского крестьянина, который неожиданно оказался не только «страдальцем», но и «хищником» по отношению к природе и коренным народам Азиатской России²⁹, важен также для более глубокого понимания природы и условий зарождения социально-психологической напряжённости в межэтническом взаимодействии. Крестьянское сознание оценивало самовольное переселение как участие в решении стратегической задачи монархии, что вселяло веру в обязательную помощь «казны» и выражалось в требованиях к местной бюрократии помочь в обустройстве на новых землях. Даже освобождение казахов и сибирских народов от воинской повинности («они Царю не служат») становилось основанием потеснить их в земельных правах. С точки зрения крестьянина-земледелльца земли кочевников были «пустыми», права на них коренного населения рассматривались как «сомнительные», а дополнительным оправданием захватов мог стать и мотив социальной справедливости (местные богатеи-де «злоупотребляют» своим положением «ради эксплуатации большинства» своих соплеменников)³⁰.

Одновременно в местных сообществах проявился длительный и комплексный внутренний конфликт. С.Н. Абашин обращает внимание на «более сложный репертуар поведения колонизируемых и колонизаторов, нежели простая схема доминирования, подчинения и сопротивления... Пространство колониальной власти... не было гомогенным, в нём были точки сильного и слабого напряжения противоречий, в одних таких точках конфликт между колонизаторами и колонизованными был острее и предопределял динамику событий, в других колониальные диспропорции были менее заметными, чем диспропорции внутри самого местного общества»³¹.

Говоря о причинах восстания, большинство авторов справедливо указывает на рост социально-экономических противоречий и трудностей, связанных как с изъятием у коренных жителей земель для переселенцев, длительным

²⁸ См.: *Лысенко Ю.А.* Миссионеры Киргизской православной миссии о степени исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. // Мир Большого Алтая. 2016. № 2(1.1). С. 53. З.Т. Садвокасова, убеждённая в крайней опасности и реальном ущербе от духовной экспансии царизма в прошлом, между тем признаёт, что на практике среди русских переселенцев второй половины XIX в. нередки были случаи перехода в ислам. См.: *Садвокасова З.Т.* Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // Отан тарихы. 2007. № 3; она же. Русские крестьяне-переселенцы... С. 21–23.

²⁹ Восток России... С. 34–35.

³⁰ *Дуров А.В.* Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 54. Цит. по: Восток России... С. 64. См. также: *Марусин С. [Шевцов С.П.]*. В степях и предгорьях Алтая. «Шатуны» // Вестник Европы. 1895. Кн. 5. № 9. С. 323–341; *Кауфман А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905; *Комаров А.И.* Правда о переселенческом деле. СПб., 1913; *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. Вып. 2. СПб., 1913; и др.

³¹ *Абашин С.Н.* «Туземные» чиновники и восстание 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты... С. 89–90.

процессом вовлечения кочевого хозяйства казахов в новые производственные отношения, их влиянием на социальное развитие казахского этноса и на межэтнические отношения, так и с критическим воздействием военных тягот³². Всё это вызывало недовольство и создавало почву для волнений. Британский исследователь А. Моррисон подчёркивает, что восстание отчасти было обусловлено долговременными противоречиями в обществе и экономике, отчасти — непосредственными тяготами войны. Скорее всего, оно не было неожиданным — многие из противоречий, которые породили его, были заметны уже десятью годами ранее. Однако внутренние распри и самонадеянность бюрократии в сочетании с тяготами войны привели к тому, что эти противоречия не были приняты во внимание. Большое количество свидетельств этнического характера бунта имеется даже в опубликованных в ранние советские времена сборниках документов. Резне русских переселенцев киргизами и казахами Семиречья были вполне под стать столь же жестокие ответные меры со стороны переселенцев, называвших местное население «собаками». В годы войны и революции проходили кампании по захвату земель русскими переселенцами, что рассматривалось в качестве мести за бунт³³. Этот общий вывод, однако, он нуждается в более детальном обосновании.

В изучении Тургайского очага восстания кроме реконструкции событий стоит обратить внимание на их этносоциальную динамику, в частности, какое значение имели внутриэтнические противоречия между кипчаками и аргынами, вылившиеся, как считают некоторые казахстанские историки, в затянувшийся конфликт и взаимную месть между сторонниками А. Иманова и А. Жанбосынова, с одной стороны, и Оспана Шолака, — с другой. Конкуренция между претендентами на лидерские позиции в отдельных областях и волостях возникала не только на социальной основе (одни, как Т. Бокин, выступали против традиционной этносоциальной иерархии, другие опирались на межродовую стратификацию, третьи направляли свой гнев против переводчиков и других должностных лиц, сотрудничавших с официальными структурами). Почти повсеместное избрание ханов, в том числе в Тургайской обл., вряд ли можно расценивать как стремление к самоопределению, скорее, это был один из этапов организации в рамках традиционных представлений о системе управления.

К. Аллез сравнивает события в Тургае с восстанием Кенесары Касымова, с точки зрения непрерывности и трансформации форм борьбы, и указывает, что при различии политических требований родовая стратегия за почти 100 лет не изменилась. И. Оайон считает, что наследие 1916 г. послужило матрицей в вооружённых конфликтах в Тургае периода оседания и коллективизации 1929—1930 гг., и это выразилось в попытках возрождения института кипчакского ханства, военной организации и действиях харизматических лидеров.

³²Учитываются и внешнеполитические условия. Так, Д. Ашимбаев указывает: «Исключать фактор причастности немецкой и турецкой агентуры если не к самому восстанию, то хотя бы к обострению обстановки в регионе (антирусской и протурецкой пропаганда) было бы абсурдным» // *Ашимбаев Д.* Указ. соч. С. 14. См. также: *Васильев А.Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // *Цивилизационно-культурные аспекты...* С. 108—113.

³³См.: *Morrison A.* The 1916 Central Asian Revolt // *The Ninth ICCEES World Congress August 3—8, 2015 Makuhari Preliminary Program (September 18, 2014).* Makuhari, 2014. P. 71.

Обращается внимание и на использование традиционного военного словаря казахов в политическом языке участников сопротивления 1929–1930 гг.³⁴

В казахстанской историографии нет ясности по поводу оценки поведения национальной интеллигенции в связи с восстанием. До сих пор нет даже точных данных о её численности. М. Чокаев в 1920 г. писал, что во время восстания интеллигенция, получившая знания в русских учебных заведениях, нисколько не задумываясь, решила быть с народом, несла вместе с ним физические лишения и оказывала ему посильную помощь³⁵. Современные казахстанские авторы лишь констатируют факт поддержки интеллигенцией «колониаторской царской» власти, как бы не решаясь отказаться от советского наследия, клеймившего алашординцев за служение «антинародным» режимам царизма и Временного правительства и тем самым вступая в противоречие с утверждением о равнозначной колониальной сущности всех этапов казахской истории в составе Российского и Советского государств.

Т. Уяма считает, что позиция казахских интеллектуалов объясняется их надеждами получить от власти в последующем «бонус» в виде расширения политических и социальных прав³⁶. Это, конечно, имело место. Но уже опубликованные документы, в том числе свидетельства самих казахских интеллигентов³⁷, показывают, что внутри образованной части этносообщества возникли довольно острые противоречия. Кроме того, стоит подчеркнуть, что интеллектуалы, объединённые вокруг А.Н. Букейханова, считали исключительно важным заявить о солидарности казахов как граждан империи со своим государством и всеми его народами, и своими публикациями, заявлениями и действиями последовательно стремились формировать в обществе сознание совместной ответственности всех народов страны за её судьбу в условиях войны. Добиваясь равноправия, они тем самым утверждали своё единство со всем российским социумом. В этом контексте стоит привести слова Букейханова, назначенного комиссаром Временного правительства в Тургайскую обл., при закрытии Тургайского казахского и крестьянского съезда 28 апреля 1917 г., когда Первая мировая война была ещё далека от завершения: «Без мирного труда в тылу мы не укрепим завоёванную свободу. Это помните, крестьяне и киргизы. В тылу сохраните мир, на фронт дайте продовольствие. Киргизы, дайте скот. Русские, дайте хлеб». В мае 1917 г. в связи с земельным конфликтом в одной из волостей, имевшим межэтнический характер, он призывал казахов «не ссориться с русскими, жить в ладу»: «В настоящее переходное время в интересах государства и закрепления завоёванных свобод необходимо, чтобы все

³⁴ Аллез К. Непрерывность и трансформация форм восстания в казахской среде: сопоставление восстания 1916 года в Тургайском регионе с восстанием Кенесары Касымова // Международное научное совещание... С. 49; *Ohayon I.* From the 1916 Uprising to the Armed Protest during the Collectivization and Sedentarization (1929–1930): Legacy and Continuity in the Turgay Region among the Kazakh Society // Там же. С. 53.

³⁵ Шоқай М. Шығармаларының толық жинағы. 12-томдық. Т. 1. Алматы, 2012. С. 156.

³⁶ Уяма Т. A Rebellion Born in the War: The 1916 Revolt in Institutional, Social, and International Contexts // Международное научное совещание... С. 45. Узбекский автор приводит утверждение А. Халида: для джадидов было приоритетом сохранение своего места в обществе, руководимом Россией, чтобы на волне этого движения «въехать» в русское общество, а после победоносного для России окончания войны стать уважаемой и признанной частью российской элиты, лидерами нового Туркестана. См.: *Абдуллаев К.* К 100-летию восстания 1916 года: Заметки историка. URL: 2016.12 мая // <http://www.fergananews.com/articles/8964> (дата обращения: 15.05.2016).

³⁷ Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы. Т. 2. Жетысу-Иссык-кульская трагедия: 1916–1920 гг. С. 37–40.

граждане России без различия партий, национальности и вероисповедания, жили между собой в ладу, помогая по силе возможности друг другу»³⁸.

Однако, за исключением немногочисленной группы казахов, в огромном регионе практически отсутствовала светски образованная и встроенная в общероссийскую социально-культурную систему интеллигенция, которая, как показывает опыт казахов, могла сыграть важную роль в налаживании обратной связи и компромисса с властью и в миротворческом влиянии на массы. Прецеденты полезного сотрудничества власти и национальной элиты имели место — это созыв межведомственного совещания в августе 1916 г. по проблемам организации призыва тыловиков, создание Инородческого отдела на Западном фронте, деятельность которого ещё не изучена, назначение комиссарами Временного правительства в Семиречье и Тургайскую обл. представителей и знатоков региона и национальной культуры М. Тынышпаева (а также О. Шкапского) и А. Букейханова соответственно. В 1916–1917 гг. лидеры казахской интеллигенции предпринимали разные попытки противостоять конфронтации на этносоциальной основе, искали способы укрепления гражданской солидарности на трудовой, соседской, экономической почве, но не смогли противостоять доминирующей силе всеобщего кризиса.

Актуальной проблемой является уточнение роли и характера системы управления в регионе, которая, несмотря на предложения ряда чиновников, оставалась военной вплоть до 1917 г., как и в Туркестане, причём сохранялись религиозное и традиционное право как регуляторы внутриэтнических отношений. Дж. Бербанк именно с военным управлением связывает невозможность интеграции местной элиты в высшие эшелоны государственной бюрократии³⁹. Центральная бюрократия считала среднеазиатские окраины самыми спокойными территориями империи. Насколько именно такой подход центральной власти и региональной администрации был оправдан, и как военная система управления повлияла на масштабы восстания и на крайние формы насилия его участников?

Показательно свидетельство начальника управления земледелия и государственных имуществ в Туркестане в 1912–1915 гг. А.А. Татищева о культурном водоразделе между русскими и «туземными» деятелями и жителями в Ташкенте: «Надо признать, что для нас туземный город как бы не существовал... Этот город жил своей замкнутой жизнью, хотя и поставлял, кажется, половину членов Городской думы, а в царские дни представители туземного города, седебородые сарты в национальных халатах... изъевляли генерал-губернатору чувство верноподданнической верности населения (неизменно по-сартовски — через переводчика, хотя думаю, что фактически эти сарты уже умели говорить по-русски)». Он же констатировал «фактическое всевластие волостной администрации, несомненно облагавшей жителей волости незаконными поборами. Но кажется, ни один сарт, ни киргиз не посмел бы жаловаться». Восстание 1916 г. Татищев считал вызванным «нашей административной ошибкой, совершенно непростительной»⁴⁰.

³⁸ Цит. по: *Аманжолова Д.А.* Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. С. 112.

³⁹ *Burbank J.* The Rights of Difference: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Imperial Formations* / Ed. by A.L. Stoler et al. Oxford, 2007. P. 81, 93–94.

⁴⁰ Водораздел был не только культурным, но и физическим: русскую часть города отделял от туземной ров глубокого арыка. *Татищев А.А.* Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 157, 176–178.

Альянс краевых и областных управленцев с так называемой туземной местной властью оказался неудовлетворительным, что обнаружилось, когда набор тыловигов был передоверен низовой администрации⁴¹. Не учитывалась роль мусульманских лидеров и их влияние среди населения, сохранялось автономное положение духовенства. Признание сложностей и недостатков управленческой системы, народных судов и других институтов социально-политической организации сопровождалось длительными обсуждениями, но дальше этого дело почти не шло. Между тем ещё в 1926 г. П.Г. Галузо справедливо указывал, что во время восстания «масса с одинаковым ожесточением бьёт и русского чиновника, и волостного бая»⁴². Традиционные практики контроля населения исчерпали себя, а угроза этнонационализма была недооценена. Управленческая культура на каждом этапе власти существенно влияла на развитие ситуации в регионе и оказалась явно неудовлетворительной для предотвращения межгрупповых, в том числе межэтнических, конфликтов⁴³.

Одной из проблем изучения событий начала XX в. стали попытки связать прошлое с современным нацистроительством. В Казахстане М.К. Козыбаев и А.К. Бисембаев в начале 1990-х гг. предложили рассматривать восстание в качестве одной из первых национально-освободительных революций в колониях России⁴⁴. При этом события 1916 г. расцениваются как пролог к подлинной истории, начавшейся после распада СССР. В то же время произошла своеобразная сегрегация исторического пространства, когда исследователи Казахстана и республик Центральной Азии пытаются рассматривать прошлое своих стран отдельно от прошлого Российской империи и СССР.

Более продуктивным представляется признание специфической этносоциальной, экономической, политической и культурной сложности ситуации в Казахстане и Средней Азии в период Первой мировой войны и революции в контексте общероссийских процессов. Так, А. Моррисон считает, что восстание не должно рассматриваться просто как пролог Февральской и Октябрьской революций. Напротив, жестокости революции 1917 г. в Центральной Азии были, скорее всего, обусловлены этим недавним травматическим опытом. И царское, и Временное правительства в ответ предлагали гораздо более радикальное разделение поселенцев и местного населения. Вернувшиеся же из Китая беженцы, как и другие участники восстания, лишь воспроизводили возникшие в 1916 г. образцы поведения после Октября 1917 г.⁴⁵

Действительно, за время восстания не произошло общенациональной мобилизации и консолидации, ни в одном его очаге не возникли сколько-нибудь значимые организационно-политические структуры, которые бы выдвигали

⁴¹ На международной научно-практической конференции «Восстания 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном» (Алматы, 28 июня 2016 г.) Т.Т. Далаева, пожалуй, впервые детально проанализировала позиции казахских волостных управителей в восстании в связи с разными этносоциальными, экономическими и другими факторами.

⁴² Галузо П. 16-й год в Туркестане и как не следует о нём думать // Коммунистическая мысль. Кн. 2. М., 1926. С. 170.

⁴³ А.А. Татищев заметил, что «старую» традицию края воплощал лишь ферганский губернатор А.И. Гиппиус, считавшийся идеалом уездного начальника, который разбирает дела населения «по совести и здравому смыслу». См.: Татищев А.А. Указ. соч. С. 174.

⁴⁴ Козыбаев М.К., Бисембаев А.К. Учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времён до наших дней. Алма-Ата, 1992. С. 79.

⁴⁵ Morrison A. Refugees, Rehabilitation and Revolutionary Violence between the 1916 Revolt and the October Revolution // Международное научное совещание... С. 54.

требования национального самоопределения даже в форме автономии, объединяли бы этнические сообщества на какой-либо партийной платформе (исключением, как уже говорилось, можно считать лишь активную позицию казахской интеллигенции). Показательно свидетельство М. Чокаева: «В такой отсталой стране, как наш Туркестан, мог бы удержаться всякий режим, всякая форма государственного строя, ибо там, где нет ещё ясно выраженного расслоения населения по социальным плоскостям, не может быть успешной организованной борьбы за интересы народа»⁴⁶.

Газета «Туркестанский голос» 14 октября 1916 г. писала, что восстание кочевников Семиречья возникло «не под влиянием определённого плана отдельных лиц и не в результате продуманной программы действий, а в силу социально-экономических причин, сознательное определение которых было, конечно, не под силу слабой количественно и качественно киргизской общественности. Тем более повстанческое киргизское движение не преследовало определённых, заранее предугазанных себе населением целей. Возникшие стихийно, в результате долго накапливавшегося недовольства существующими экономическими отношениями и земельным “у特斯ением”, движение это стало искать конкретных, ближайших целей уже в самом “процессе делания”. Однако, будучи “безнадёжным” в силу неорганизованности населения и неформальности его чаяний, не говоря уже о фактическом соотношении борющихся сил, киргизское движение “выдохлось” раньше, чем могло принять организованные формы»⁴⁷. Сложносоставной характер населения Степного края усилился к 1916–1917 гг., но этнокультурные, социальные, образовательные, конфессиональные и другие перегородки между его слоями были достаточно ощутимыми. Поскольку есть немало подтверждений нейтрального поведения коренного населения Центральной Азии в связи с революционными событиями 1917 г., вряд ли можно проводить прямую параллель между трагическими событиями 1916 г. и революцией 1917 г.

По-прежнему востребован дальнейший анализ сущности российского присутствия (колониализма) в регионе. Совсем недостаточно объяснять его с использованием классических марксистских штампов («пережиток империализма», «сырьевой придаток», «борьба за передел мира» и т.д.), которые лишь частично и с серьёзными оговорками могут быть применены к оценке политики России в степных областях⁴⁸. Моррисон считает, что Казахстан и Средняя Азия «просто обязаны быть в центре любого анализа российского империализма»⁴⁹ (до сих пор на эти регионы просто распространялись оценки, дававшиеся для других мусульманских регионов Российской империи). Здесь, по его мнению, империя сформулировала новую политику, направленную на отделение массы коренного населения от их традиционных правителей и введение институтов местного самоуправления⁵⁰. Дискутируя с ним, С.Н. Абашин уточняет, что следует учитывать динамику укрепления колониальной власти в регионе, а также её негомогенность и способность не только подавлять, но и предоставлять

⁴⁶ Цит. по: *Шоқай М.* Указ. соч. Т. 1. С. 147.

⁴⁷ *Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы.* Т. 2. С. 110.

⁴⁸ *Безвиконная Е.* Реконструкция национальной истории в современной Республике Казахстан (на примере российско-казахских отношений XVIII–XIX вв.) // *Ab imperio.* 2004. № 1.

⁴⁹ *Моррисон А.* «Мы не англичане...». К вопросу об исключительности российского империализма // *Восток Свыше* (Ташкент). 2015. № 3(XXXVIII). С. 70.

⁵⁰ Там же. С. 76.

невиданные до того возможности, порождать новые интересы в локальной жизни местных сообществ⁵¹.

Историографическая ситуация в большинстве постсоветских стран в целом схожая. Огромный массив западной литературы по проблемам национализма и антиколониальных движений, обрушившийся на ранее почти закрытое от внешних контактов профессиональное сообщество, породил очевидные проблемы с освоением нового понятийного аппарата, различных методологических подходов и терминологии. Это оборачивается искусственной «модернизацией» языка историописания, неоправданным усложнением стилистики, теоретико-методологической эклектикой. В результате теоретизирование оказывается мало удачным, а изучение конкретных вопросов запутывается или даже приостанавливается. Многие молодые исследователи едут «на Запад изучать Восток». А та часть, которая «осталась» в рамках своих старых (советских) академических практик и продолжает использовать русский язык, переживает академическую маргинализацию. Сужается пространство для апробации исследований, теряется социальный статус образования, полученного на русском языке, снижается цитируемость работ, написанных на русском и региональных языках⁵².

Одна из важных проблем – очевидное падение культуры и методики изучения нормативно-правовых документов, архивных и других источников как фундамента исторической науки в 1990-е гг. Это вызвано, в частности, трудностями становления системы подготовки архивистов после распада СССР, разрывом и/или ухудшением качества и интенсивности научных связей между российскими и казахстанскими учёными, переходом на Болонскую систему подготовки научных кадров. Получили распространение избирательное цитирование и широкие заимствования, больше похожие на плагиат, подмена понятий, терминологическая путаница и неадекватное использование англоязычного новояза. Русскоязычные тексты грешат обилием грамматических и стилистических ошибок, работы же на языках народов Средней Азии крайне редко используются российскими историками.

В то же время на примере динамики исследований событий 1916 г. очевиден не только прирост документальной базы. В ходе состоявшихся в год столетия восстания международных дискуссий стимулируется более предметное изучение роли отдельных администраторов, лидеров и разных групп коренного населения (к примеру, всё ещё мало изучено восстание иомудов), управленческой культуры всех уровней в эскалации и деэскалации социально-этнической напряжённости. Наряду с анализом характерных отличий восстания в разных регионах, перспективным представляется предложение учёных рассматривать события мятежного 1916 г. как комплекс сложных по составу, целям, формам проявлений и динамике протестных акций.

⁵¹ *Абашии С.Н.* Указ. соч. С. 90–92.

⁵² *Бисенова А., Медеуова К.* Что такое региональные исследования в современной антропологии (на примере Центральной Азии) // *Антропологический форум.* 2016. № 28. С. 38.